

**ОЦЕНОЧНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛИРУЕМОСТЬ
В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ПЛАНЕ
(на материале испанского языка)**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с фразеологической моделируемостью в типологическом плане, в сравнении с другими романскими языками. Анализируются фразеологические модели, представляющие собой либо структурно-семантические инварианты устойчивых словосочетаний, либо устойчивые словосочетания и их лексико-семантические варианты, объединенные общим фразеологическим мотивом.

N. Med

**EVALUATING PHRASEOLOGICAL MODELING IN TYPOLOGICAL ASPECT
(based on Spanish language material)**

The questions connected with phraseological modeling in the typological aspect are described in the article in comparison with other Romanic languages. The article deals with the analysis of phraseological models such as structural-phraseological invariants of set expressions or set expressions and their lexical-semantic variants united by a common phraseological motive.

«Понятие «фразеологическая модель» до недавнего времени считалось невозможным. Основным качеством фразеологизма признавалась иррегулярность — как формальная, так и прежде всего семантическая. Индивидуальная структура, образность, национальная специфичность, семантическая неповторимость, дословная неприводимость на другой язык, утрата внутрикомпонентных связей, специфичность внешних синтаксических связей — короче

говоря, идиоматичность — служила для многих исследователей бесспорным аргументом в пользу утверждения принципиальной немоделируемости фразеологических единиц»¹. Говоря о сущности фразеологического образования, Л. И. Ройзенсон отмечал двойственную природу фразеологизмов, в которой совмещаются как способности к моделированию (фразеологические серии), так и «деривационный акт немоделированного типа; в этой противоречивой природе

фразеологизмов и специфика их образования в отличие от словопроизводства лексем»².

Мы считаем, что исследования в области русского и других славянских языков (В. М. Мокиенко), испанского языка (Н. Н. Курчаткина, А. В. Супрун), работы Н. Н. Кирилловой на материале фразеологии романских языков позволяют выдвинуть положение о возможности фразеологического моделирования в языке.

Как нам представляется, фразеологическое моделирование может рассматриваться в двух направлениях: 1) фразеологическое моделирование в одном, отдельно взятом языке и 2) в типологическом плане, в сравнении с другими (родственными/неродственными языками). Результаты фразеологического моделирования, т. е. фразеологические модели, представляют собой либо структурно-семантические инварианты устойчивых словосочетаний, либо устойчивые словосочетания и их лексико-семантические варианты, объединенные общим фразеологическим мотивом.

1. Структурно-семантические инварианты устойчивых словосочетаний

Здесь мы рассматриваем фразеологические модели, основанные на специфике структуры и семантики словосочетаний, обслуживающих определенные оценочные значения.

Так, например, анализ материала романских языков позволяет сделать вывод о сходстве ментальных представлений в отношении формирования этической оценки «бессовестный человек»³, представляющей собой следующую структурно-семантическую модель: *лицо* + *несогласованное определение*, означающее материал. Форматором данного значения в испанском, итальянском и португальском языках выступает соматизм «лицо» в сочетании с наименованиями материалов, актуализирующих семантический компонент «жесткость, твердость», а следовательно, и отсутствие чувств и эмоций: исп. tener cara de cemento armado (*букв.* 'иметь железобетон-

ное лицо'), итал. avere una faccia di bronzo (*букв.* 'иметь бронзовое лицо'), порт. ter cara de lata (*букв.* 'иметь жестяное лицо'). Аналогично ведет себя и французский язык, хотя и прибегает к свойственному ему, в отличие от других романских языков, способу использования слова, обозначающего часть от части данной части тела⁴, названному Т. А. Репиной «приемом мысленной анатомизации человека»⁵ (avoir front d'airain (*букв.* 'иметь бронзовый лоб')).

Этическая оценка «лгун, обманщик» создается по структурно-семантической модели «врать чем». Типологическая близость в моделировании данной оценки состоит в том, что романские языки для интенсификации значения «обман» используют соматизмы, так или иначе связанные с процессом формирования звуков и говорения. Например, в итальянском и португальском языках «наглое вранье» связано с лексемой «горло, глотка»: итал. mentire per la gola, порт. mentir pela goja (*букв.* 'врать всей глоткой'). Португальский язык помимо этого прибегает к соматизму «зубы»: mentir com todos os dentes (*букв.* 'врать всеми зубами'). В испанском же языке фразеологизм «mentir por la barba» (*букв.* 'врать бородой'), видимо, связан с традиционным для испанского менталитета значением бороды как символа храбрости, достоинства, чести. Клясться бородой, обманывать, обладая бородой, означает невероятную, наглую ложь.

Для процесса формирования оценки «лживый человек» используется модель «лизать что», унижая тем самым человеческое достоинство: исп. lamer el culo, фр. lècher les bottes, итал. leccare i piedi, порт. lamber os pés/as botas, as maõs/o chão/o cu (*букв.* 'лизать зад, сапоги, ноги, ноги/сапоги/руки/пол,/зад').

Также в этом разряде используется модель «дать что кому». Так, в испанском и итальянском языках нами зафиксированы эквиваленты: исп. darle jabón a alguien, итал. dare il sapone (*букв.* 'дать мыло кому-либо', *перен.* 'подхалимничать'). Для характерис-

тики льстивого человека французский и португальский языки избирают другой образ — «мазь»: франц. *passer de la pomade à quelqu'un*; порт. *dar pomada a alguém*. В обоих случаях задействуются семантические компоненты «угодливый, смягчающий».

2. Устойчивые словосочетания и лексико-семантические варианты, объединенные общим фразеологическим мотивом

Прежде всего, речь идет об устойчивых компаративных фразеологизмах, имеющих общие структурные модели в разных языках, обслуживающие любые ситуации сравнения.

Моделирование оценочной семантики связано здесь в первую очередь с выбором общего фразеологического мотива, термина сравнения для выражения той или иной оценки.

Посмотрим, как происходит моделирование разных оценочных значений в компаративных фразеологизмах романских языков⁶. Применительно к *общей положительной оценке* во французском, испанском и итальянском языках мы наблюдаем межъязыковые фразеологические эквиваленты⁷ (с эталоном — интенсификатором «хлеб»: фр. *bon comme le /du pain*, исп. *más bueno que el pan*, итал. *buono come il pane* (букв. 'быть хорошим как хлеб, быть лучше хлеба'). Общая положительная оценка связана с образом хлеба как символа материальной и духовной пищи в христианской культуре. Если рассматривать хлеб как основной продукт питания людей, источник их жизненных сил, то общая положительная оценка базируется прежде всего на комбинировании сенсорно-вкусовой и рационалистических оценок, утилитарной и телеологической (хлеб вкусен, полезен, необходим), что влечет за собой и положительную эмоциональную оценку. Но поскольку хлеб является также и пищей духовной, символизируя Христа как хлеб жизни, насыщая людей правдой и верой, можно также говорить и о положительной этической оценке. Таким образом, «хороший» как аксиологический итог

и «хлеб», также аксиологический итог не входят в противоречие своей оценочной семантикой.

Португальский язык в этом отношении использует близкий по смыслу образ — «кукурузу», формируя межъязыковой фразеологический вариант: *bon como o milho* (букв. 'хороший как кукуруза'). Кукуруза, будучи также одним из основных продуктов питания человека, почитается в культурах Латинской Америки как символ благополучия, счастья, плодородия, связанный с космосом и солнцем⁸.

В *общей отрицательной оценке* «плохой человек» универсальным эталоном для компаративных фразеологизмов сравнимых языков является образ дьявола, сатаны как сосредоточия зла, нравственной деградации, душевной смерти⁹: фр. *méchant comme le diable*; исп. *más malo que el diablo*; итал. *cattivo come Satana*; порт. *mau como o diabo* (букв. 'плохой/злой как дьявол/Сатана, хуже дьявола'). Моделирование общей отрицательной оценки происходит из комбинирования отрицательных этических и эмоциональной оценки. Можно сделать вывод, что общее значение «хороший/плохой» в романских языках имеет культурные основания, однозначно интерпретируемые социумом — субъектом оценки.

Рассмотрим теперь *эстетические оценки*, связанные с понятием красоты и уродства. Мы не останавливаемся на таких важных гендерных проблемах, как эстетическая оценка женщины и мужчины, которая структурируется в обыденном языковом сознании по-разному, поскольку исходит из различных эстетических критериев.

В качестве универсалии, характеризующей как мужскую, так и женскую красоту, можно привести примеры компаративных фразеологизмов, построенных на ассоциативных связях с солнцем как источником света, радости, весной как обновлением природы, расцветающей под лучами солнца: фр. *beau comme le soleil/ le printemps*; исп. *bonito como un sol*; итал. *bello come il sole*; порт. *belo como a primavera*.

Основаниями положительной эстетической оценки служат положительная сенсорная оценка, связанная со зрительным восприятием, и положительная эмоциональная оценка, отражающая психологическое состояние человека, любующегося солнцем. Думается, что в данном случае эстетическая оценка далеко отстоит от практических норм, поскольку, как писала Н. Д. Аругюнова, языки различают сублимированную (небесную) красоту и красоту земную, обыденную, которой свойственны различные коннотации, отсылающие не только к привлекательной внешности, но и к манере поведения, общения, внутренним качествам, которые могут скрадывать отдельные несовершенства внешности¹⁰.

Отрицательная оценка « некрасивый», нарушающая эстетическую норму, представлена межъязыковыми фразеологическими эквивалентами и вариантами с эталоном-интенсификатором «грех»: фр. *laid comme le péché/ comme les sept péchés capitaux*; исп. *más feo que un pecado*; итал. *brutto come il peccato/ mortale* (букв. 'страшен как грех, как семь основных грехов, страшнее греха, страшный как /смертный/ грех'). Грех как нарушение религиозно-нравственных предписаний разрушает законы добра и гармонии, поэтому он страшен. Заметим, что португальское языковое сознание в принципе следует этой же оценочной модели: *feio como os trovões* (букв. 'страшный как гром'). Гром во многих культурах рассматривается как гнев божий, наказание за грехи. Поэтому мы также можем говорить об отрицательной этической оценке, формирующей в португальском языке отрицательную эстетическую оценку.

Остановимся кратко на эстетической оценке, связанной с параметрическими характеристиками человека, вызывающими отрицательную реакцию. Поскольку эстетическая норма имеет антропологическое основание, то несоответствие антропологическим критериям приводит к формированию отрицательных оценочных значе-

ний. Чрезмерно упитанный и чрезмерно худой человек порицаются с эстетической точки зрения в романском менталитете. Так, семантический компонент « толстый» находит свое отражение в зооморфных метафорах – наименованиях крупных млекопитающих: свинья, корова, кит и т. д.: фр. *gros comme un cochon/ une vache/ une balleine* (букв. 'толстый как свинья/корова/кит'); исп. *más gordo que un lechón/ una vaca /una ballena* (букв. 'толще свиньи/коровы/кита'), итал. *grasso come un porco/ il cane del macellaio* (букв. 'толстый как свинья/ собака мясника'); порт. *gordo como uma vaca/ uma baleia/ um texugo* (букв. 'толстый как корова/ кит/ барсук'). Любопытно, что в итальянском языке для обозначения толстого человека могут использоваться наименования птиц, употребляемых человеком в пищу: *grasso come un cappone/ una quaglia/ una pernice* (букв. 'толстый как каплун/ перепелка/ куропатка'). С точки зрения моделирования оценочной семантики общим, несмотря на некоторые различия эталонов сравнения, является уподобление человека животному, что противоречит эстетической норме. Отрицательная эстетическая оценка основывается на отрицательной сенсорной оценке и эмоциональных оценках, которые входят в комбинацию с отрицательной нормативной оценкой (ненормально толстый).

Компаративные фразеологизмы со значением «худой» в исследованном нами языковом материале представлены ассоциациями с образом смерти, следовательно, скелета, костей.: фр. *maigre comme une squelette* (букв. 'худой как скелет') исп. *más flaco que la muerte* (букв. 'более худой, чем смерть'); итал. *magro come un osso* (букв. 'худой как кость'); порт. *parecer a morte em pé/ feixe / carga de ossos* (букв. 'быть похожим на ходячую смерть/ охапку/груз костей'). Отрицательное эстетическое значение базируется прежде всего на отрицательной сенсорной и эмоциональных оценках, основанных на отрицательных зрительных и психологических ассоциациях.

Также романские языки в качестве универсалии используют метафорические наименования рыб, мелких или копченых, сушеных: фр. *maigre comme un hareng saur* (букв. 'тощий как копченая селедка'); исп. *más flaco/ seco que el bacalao* (букв. 'более тощий, чем треска'); итал. *magro come un'aringa affumicata/ un'acciuga/ una sarda* (букв. 'худой как копченая селедка/ анчоус/ сардина'); порт. *magro como un arenque/ bacalhau* (букв. 'тощий как селедка/ треска'). Семантический механизм моделирования отрицательной эстетической оценки аналогично базируется на отрицательных зрительных и психологических ассоциациях.

Для выражения *эмоциональной оценки* «веселый» мы не обнаружили универсалии, хотя в принципе можно говорить о трех парных межъязыковых фразеологических соответствиях. Так, французский и португальский языки выбирают образ беззаботной птицы, легко порхающей с ветки на ветку: фр. *gai comme un oiseau/ un merle/ une alouette* (букв. 'веселый как птица/ дрозд/ жаворонок'); порт. *alegre como um passarinho/ um colibri* (букв. 'веселый как птичка/ колибри'). В свою очередь, испанский и итальянский языки в качестве эталона используют метонимический дериват «пасха», ассоциирующийся с праздником, весельем, царящим на нем: исп. *alegre/ más contento/ como /que unas pascuas* (букв. 'веселый/ довольнее, чем/как/ пасха'); итал. *allegro/ contento/ come una pasqua* (букв. 'веселый/ довольный/ как пасха'). Португальский и испанский языки связывают концепт веселого человека со зрительным образом счастливого ребенка, которому неведомы проблемы и горести взрослых: порт. *alegre como uma criança* (букв. 'веселый как ребенок'); исп. *alegre como un chiquillo/ en bautizo/ con zapatos nuevos* (букв. 'веселый как ребенок/при крещении/ с новыми ботинками').

Компаративные фразеологизмы с семантическим компонентом «грустный» можно обобщить универсалией «смерть» и

всем, что с ней связано: похоронная церемония, могила, а также «ночь», ассоциирующуюся с отсутствием света, мраком, темнотой, стимулирующими отрицательные сенсорную и эмоциональную оценки: фр. *triste comme la mort /un croque-mort/ un enterrement* (букв. 'грустный как смерть/ служащий похоронного бюро/похороны'); исп. *más triste que la muerte/ triste como las noches de invierno* (букв. 'печальнее, чем смерть/ грустный как зимние ночи'); итал. *triste come un mortorio/ come una tomba* (букв. 'грустный как похороны /как могила'); порт. *triste como a noite* (букв. 'грустный как ночь').

Таким образом, можно утверждать, что эталон сравнения, основанный на общности ассоциативного мышления представителей романского мира, и является тем фразеологическим мотивом, позволяющим говорить о семантических критериях фразеологической моделируемости.

Отметим также, что многие фразеологизмы романских языков, в частности соматические фразеологизмы, тесно связаны со знаниями и понятиями древности и средневековья¹¹. В этих случаях наблюдается скрещение онтологического и культурного аспектов лексического значения. Рассмотрим некоторые закономерности их образования¹². Так, в средневековой культуре *печень* считалась символом храбрости, а ее обесцвечивание — показателем трусости. Печень и становится общим фразеологическим мотивом для формирования оценочного значения «храбрый/трусливый человек» в романских языках. Во французском «*avoir les fois chauds/rouges*» (букв. 'иметь горячую/красную печень') означает мужество, а «*avoir les fois blancs/froids*» (букв. 'иметь белую/холодную печень') — трусость. Аналогичное значение приобретают и фразеологизмы других романских языков: исп. «*tener hígados para todo*» (букв. 'иметь печень для всего'); итал. «*aver del fegato*», «*uomo di fegato*», «*fegato santo*» (букв. 'иметь печень, человек с печенью, святая печень'), означающие «быть храбрым».

Представления средневековой медицины о том, что черная желчь, находящаяся в печени и селезенке, является источником меланхолии и что для обретения радости необходимо избавиться от нее, порождают следующие фразеологизмы со значением «радоваться, быть веселым»: франц. *désopiler la rate* (букв. ‘очистить селезенку’); порт. *desopilar o figado* (букв. ‘очистить печень’); исп. *no dar tormento el bazo* (букв. ‘не мучить селезенку’). Приведем здесь интересные наблюдения испанского исследователя Х. Кантеро Ортиса, который предлагает перевод французского фразеологизма «*dilater/épanouir la rate*» (букв. ‘расширить

селезенку’), означающего «смеяться» на испанский при помощи фразеологизма «*alegrarse a uno la/s pajarilla/s* (букв. ‘радоваться у кого-то селезенке’), семантически близкого французскому, так как в испанском языке «*la pajarilla*» означает селезенку у некоторых животных¹³.

Наблюдения над типологией фразообразования романских языков позволяет сделать вывод о том, что их типологическая близость основана на сходстве образов и ассоциаций, общности культурных доминант, а также отношений между объектами, извлекаемых из наблюдений над самим человеком и окружающим его миром.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мокиенко В. М. Славянская фразеология. — М., 1989. — С. 49–50.

² Ройзенсон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии. — Самарканд, 1973. — С. 83.

³ См. подробнее: Мед Н. Г. Этическая оценка во фразеологии испанского языка (в сравнении с другими романскими языками) // Проблемы идиоэтнической фразеологии. — СПб., 2005. — Вып. 3 (6). — С. 3–7.

⁴ Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). — М., 1977. — С. 133.

⁵ Репина Т. А. Французский на фоне других романских языков (к проблеме универсалий романского «вербального мышления») // Древняя и Новая Романия. Романское языкознание и национальные филологии. — СПб., 2003. — Вып. 6. — С. 22–23.

⁶ См. более подробно: Мед Н. Г. Семантические механизмы формирования оценочных значений (на материале компаративных фразеологизмов романских языков) // Проблемы идиоэтнической фразеологии. — СПб., 2003. — Вып. 2 (5). — С. 19–24.

⁷ Кириллова Н. Н. О типологии межъязыковых фразеологических соответствий // Проблемы идиоэтнической фразеологии. — СПб., 1997. — Вып. 2. — С. 33–42.

⁸ Rioduero Diccionario. Símbolos. — Madrid: Ediciones Rioduero, 1983. — P. 145.

⁹ Жюльен Н. Словарь символов. Иллюстрированный справочник. — Челябинск, 1999. — С. 114–115.

¹⁰ Арутюнова Н. Д. Мужчины и женщины: конкурс красоты // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderland 55, 2002. — С. 487.

¹¹ Гак В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культур / Отв. ред. В. Н. Телия. — М., 1999. — С. 263–264.

¹² См. подробнее Мед Н. Universales y particulares en la fraseología de las lenguas románicas // Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies / Edited by N. N. Kazansky. — St. Petersburg, 2003. — Vol. 1, part 2. — P. 48–55.

¹³ Cantera Ortiz de Urbina. Refranes y locuciones del español y el francés en torno al bazo, el hígado, el corazón, los riñones // Cuadernos de Investigación. Filología. Tomo 1X. Fasc. 1 y 2; mayo/diciembre de 1983. — Logroño, 1983. — P. 48.